

Хесус Уэрта Де Сото. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция

Крушение социализма застало врасплох большинство экономистов. Оказавшись не в состоянии своевременно предсказать и верно оценить развитие событий, они впоследствии сделали вид, что ничего особенного не произошло, и как ни в чем не бывало, занялись текущими проблемами. Однако автор данной книги глубоко убежден в фундаментальной необходимости произвести критическую переоценку проводившихся до сих пор исследований социализма и использовавшегося в них теоретического инструментария. В своей работе он опирается на теорию невозможности экономического расчета при социализме, разработанную в 1920-х годах Людвигом фон Мизесом и Борисом Бруцкусом, концепцию неявного и неартикулируемого знания Майкла Полани, теорию предпринимательства Мизеса — Кирцнера, концепцию стихийного порядка Хайека и его идеи о роли знания в экономике. В книге также подробно излагается ход полемики о невозможности экономического расчета при социализме, разгоревшейся среди экономистов в 1930-е годы. Весь этот концептуальный аппарат применяется для анализа социалистической экономики. Это делает книгу актуальной для понимания современных процессов, происходящих в экономике разных стран.

Уэрта де Сото Хесус. Социализм, экономический расчет и предпринимательская функция. — М., Челябинск: ИРИСЭН, Социум, 2008. — 488 с.

Х. Уэрта де Сото относит себя к одному из бурно развивающихся направлений современной экономической мысли — австрийской, или праксеологической, школе экономической теории. Эта школа, ведущая начало от великих ученых конца XIX — начала XX вв. К. Менгера, О. фон Бём-Баверка и Ф. фон Визера, в настоящее время является одним из самых перспективных подходов к решению тех теоретических и прикладных экономических проблем, с которыми «традиционная» наука, или «мэйнстрим», не может справиться или просто отказывается иметь дело.

Глава 1. ВВЕДЕНИЕ

1. Социализм и экономический анализ

Историческое поражение социализма. Нельзя просто перевернуть ту страницу в истории, на которой написано «социализм», как если бы крах этой системы никак не повлиял на научные знания человечества. Нельзя пренебречь фундаментальной необходимостью тщательной критической переоценки и изучения существовавших до сих пор аналитических исследований социализма. Если не предпринимать меры по его предотвращению, то социализм как абстрактная идеология, проистекающая из присущей человеческим существам от рождения рационалистической гордыни и самонадеянности, будет неизбежно воспроизводиться снова и снова.

Субъективистский подход к экономическому анализу социализма. В этой книге мы выносим на обсуждение и развиваем тезис о том, что социализм можно и нужно анализировать исключительно

исходя из глубокого и ясного понимания человеческой деятельности, а также тех динамических процессов социального взаимодействия, которые она запускает. Мы попытались проанализировать социализм радикально и последовательно используя принцип «субъективизма», и построить наш анализ на самой главной и сокровенной особенности человека — на его способности действовать творчески и «предпринимательски». Именно поэтому мы предприняли специальные предосторожности, чтобы не поддаться ошибочному представлению о том, что экономические явления якобы существуют «на самом деле», «объективно», вне пределов той субъективной интерпретации и того субъективного знания, которое порождают в процессе деятельности действующие индивиды.

Наше определение социализма. Мы считаем социализмом любую систему институциональной агрессии (вмешательства) против свободы человеческой деятельности или предпринимательства.

Предпринимательство и социализм. В самом общем смысле мы рассматриваем предпринимательство и человеческую деятельность как синонимы. В более узком смысле, предпринимательство представляет собой типично человеческую способность находить возможности для извлечения прибыли, имеющиеся в окружении человека. Любой акт предпринимательства порождает новую, не выраженную словами, рассеянную информацию субъективного и практического характера и поощряет вовлеченных в него людей изменить свое поведение или приспособить его к потребностям и обстоятельствам других. Только предпринимательство в состоянии порождать информацию, необходимую для экономического расчета, понимаемого как любая оценка результата различных вариантов действия.

Социализм как интеллектуальная ошибка. Социализм представляет собой просто интеллектуальное заблуждение, поскольку с точки зрения теории систематическое применение принудительных методов не приводит к социальной координации.

2. Спор о невозможности экономического расчета при социализме

Парадигма мейнстрима, которая базируется на анализе равновесия, оказалась не в состоянии объяснить внутренне присущие социализму теоретические проблемы. Экономисты построили теорию экономического роста и экономического развития на макроэкономических агрегатах и концепции равновесия, не заметив единственного подлинного главного действующего лица этого процесса: человека, его бдительность [к открывающимся возможностям извлечения прибыли] и его творческие, предпринимательские способности.

Есть явная непоследовательность в том, чтобы стремиться проанализировать рекомендации и правила, исходя из концепции, постулирующей существование полной информации о прибыли и издержках, поскольку такая информация, если бы она существовала, сделала бы рекомендации и правила ненужными (тогда гораздо эффективнее было бы заменить их просто приказами); и если что-нибудь объясняет возникновение и эволюцию права, то это как раз неустранимое неведение, в состоянии которого постоянно пребывают люди.

Глава 2. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВО

1. Определение предпринимательства

В широком или в общем смысле, предпринимательство — это то же самое, что человеческая деятельность. По этому поводу можно сказать, что любой, кто действует, чтобы изменить свое настоящее и достичь своих целей в будущем, занимается предпринимательством.

Человеческая деятельность: цели, ценность, средства и полезность. Человеческая деятельность — это любое преднамеренное поведение. Мы будем называть ценностью субъективную и в большей или меньшей степени эмоционально нагруженную оценку действующим человеком собственной цели. Средство — это любой метод, который, с субъективной точки зрения действующего человека, подходит для достижения его цели.

Редкость материальных благ, планы действий и акты воли. Средства по определению должны быть редкими, поскольку в противном случае действующий человек даже не принимал бы их в расчет в своих действиях. Иными словами, там, где нет редкости благ, нет и человеческой деятельности. Цели и средства никогда не являются данностью; напротив, они возникают в

результате ключевой предпринимательской деятельности, состоящей именно в создании, открытии или просто осознании целей и средств, значимых для человека в каждой из ситуаций, с которыми он сталкивается в жизни. Как только человек понимает, что он обнаружил, какие цели важны для него и какие средства достижения этих целей доступны для него, он объединяет их, почти всегда неявно, в некий план действий, который он принимает и исполняет благодаря индивидуальному акту воли.

Творчество, удивление и неопределенность. Будущее всегда является неопределенным в том смысле, что его еще предстоит создать и относительно него у действующего есть лишь некоторые идеи, мысленные образы и ожидания, которые он надеется воплотить посредством собственной деятельности и взаимодействия с другими людьми. Кроме того, будущее открыто для всех творческих возможностей человека, и поэтому каждый действующий субъект находится по отношению к нему в состоянии перманентной неопределенности, которую можно уменьшить посредством его собственных паттернов поведения, паттернов поведения других (институтов), а также посредством деятельности и предпринимательской бдительности. Открытый и неограниченный характер неопределенности, которую мы имеем в виду, делает как традиционные понятия об объективной и субъективной вероятности, так и байесовскую концепцию последней неприменимыми в сфере человеческой деятельности.

Издержки как субъективная концепция. Предпринимательская прибыль. Всякий раз, когда действующий человек понимает, что желает достичь определенной цели, а затем обнаруживает и выбирает определенные средства ее достижения, он одновременно отказывается от возможности реализовать иные цели, которые, *ex ante*, ценит меньше, но считает, что мог бы достичь их, используя доступные ему средства иным образом. Мы будем использовать термин издержки для обозначения субъективной ценности, приписываемой человеком той цели, от которой он отказывается, когда принимает решение и приступает к выполнению определенного плана действий. Люди действуют потому, что субъективно оценивают ценность предполагаемой цели выше, чем издержки, которые они планируют понести, иными словами, потому, что они надеются получить предпринимательскую прибыль.

Рациональность и иррациональность. Предпринимательская ошибка и убыток. По определению человеческая деятельность всегда рациональна в том смысле, что *ex ante* действующий человек всегда ищет и выбирает те средства, которые он считает наиболее подходящими для достижения значимой для него цели. Это, разумеется, не противоречит тому, что *ex post* человек может обнаружить, что совершил предпринимательскую ошибку, иными словами, что понес предпринимательские убытки, выбрав определенные цели или средства и не заметив существования других, более ценных для него. Однако с учетом фундаментально субъективной природы целей, издержек и средств внешний наблюдатель не может объективно классифицировать действие как иррациональное.

Предельная полезность и временное предпочтение. С учетом того, что средства по определению являются редкостью, действующий человек будет стремиться в первую очередь достичь тех целей, которые он ценит больше, а затем — тех, которые для него относительно менее важны. В результате он будет оценивать каждую взаимозаменяемую и значимую в контексте его деятельности единицу доступных ему средств через наименее важную цель, которой, по его мнению, он может достичь с ее помощью (закон предельной полезности). Кроме того, поскольку деятельность осуществляется ради какой-то определенной цели и поскольку любая деятельность протекает во времени и тем самым имеет определенную длительность, то человек *ceteris paribus* постарается достичь своей цели как можно быстрее. Иными словами, при прочих равных человек всегда будет оценивать выше те цели, которые ближе к нему по времени, и будет готов предпринимать действия большей длительности только тогда, когда он будет считать, что, поступая таким образом, он сможет достичь более важных для него целей (закон временного предпочтения).

2. Особенности предпринимательства

Информация, знания и предпринимательство. Какие свойства информации и знаний значимы с точки зрения предпринимательства? Мы выделяем 6 основных черт этого типа знания:

- 1) оно субъективно и носит практический, а не теоретический характер;
- 2) это эксклюзивное знание;
- 3) оно рассеяно в умах всех людей;

- 4) это в основном неявное знание и поэтому оно не выражено в словах;
- 5) это знание, созданное ex nihilo, из ничего, именно в связи с предпринимательством;
- 6) это знание, которое может быть передано, в основном бессознательно, посредством сложных социальных процессов, исследование которых является предметом экономической науки.

Практическое знание — это в основном неявное знание, которое нельзя выразить словами (неартикулируемое знание). Это означает, что человек знает, как выполнить какие то действия (знание как), но он не может выделить части или элементы того, что он делает или определить, ложны они или истинны (знание что).

Занятие предпринимательством не требует никаких средств. Это значит, что предпринимательство не порождает никаких издержек и по своему существу носит творческий характер. Творческий аспект предпринимательства воплощается в том, что оно производит прибыль такого рода, которая, в определенном смысле, возникает из ничего и которую мы будем называть чистой предпринимательской прибылью.

У предпринимательства имеются три чрезвычайно важных последствия. Во-первых, предпринимательство создало новую информацию, которой раньше не существовало. Во-вторых, эта информация была передана с помощью рынка. В-третьих, данный предпринимательский акт научил его участников подстраивать свое поведение под поведение других. Эти последствия предпринимательства настолько важны, что их имеет смысл рассмотреть по отдельности.

Предпринимательская активность С не только делает возможными отсутствовавшие до этого координированные действия А и В, но и позволяет им обоим произвести экономический расчет для собственных действий, используя ранее недоступные данные и информацию (рис. 1).

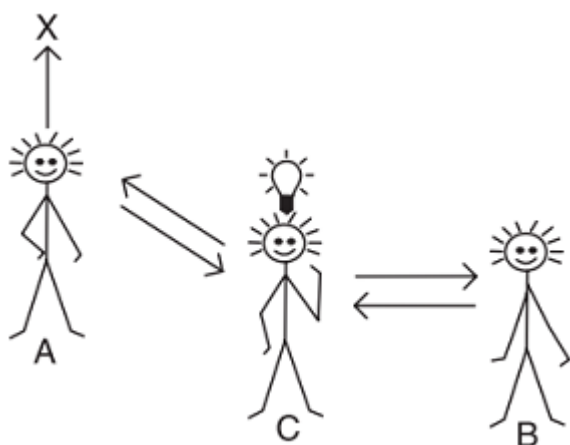

Рис. 1. Суть предпринимательства – координация человеческой деятельности

Арбитраж и спекуляция. Под арбитражем понимается предпринимательство, осуществляемое в настоящем (имеется в виду временное настоящее с точки зрения действующего человека) и использующее различие между двумя разными местами или двумя ситуациями в обществе. Под спекуляцией понимается предпринимательство, осуществляющееся между двумя разными моментами во времени. Оба типа предпринимательства порождают социальную координацию и создают одни и те же тенденции, направленные на коррекцию и координацию.

Право, деньги и экономический расчет. Предпринимательство и вообще человеческая деятельность требуют от участников постоянного и непрерывного следования определенным стандартам и нормам поведения: иными словами, они должны повиноваться закону. Этот закон состоит из ряда шаблонов поведения, которые были развиты и улучшены посредством обычая. Эти шаблоны определяют в основном права собственности, и их можно свести к нескольким фундаментальным принципам: уважение к жизни, гарантии владения ненасильственно приобретенной собственностью, переход собственности из рук в руки по взаимному согласию и исполнение обещаний. В то время как право делает возможным осуществление человеческой деятельности, а, следовательно, возникновение и развитие общества и цивилизации, оно одновременно является эволюционным продуктом предпринимательского процесса и не является ничьим единоличным сознательным

произведением. Дело в том, что ни один человеческий ум и ни одно организованное множество человеческих умов не обладают необходимыми интеллектуальными способностями для того, чтобы объять и постичь огромный объем практической информации, участвовавшей в постепенном формировании, консолидации и позднейшем развитии этих институтов.

Парадоксальная истина состоит в том, что человек не способен создать сам, намеренно, самые важные и необходимые для его жизни в обществе институты (лингвистические, экономические, правовые и моральные), потому что это превышает его интеллектуальные возможности. Эти институты постепенно возникли в ходе предпринимательского процесса человеческого взаимодействия и распространились на все более и более широкие группы с помощью описанного выше бессознательного механизма обучения и подражания. Кроме того, возникновение и усовершенствование институтов обеспечивает, с помощью типичного для них механизма обратной связи, рост разнообразия и сложности предпринимательского процесса человеческого взаимодействия (см. также [Рональд Коуз. Фирма, рынок и право](#)).

Институты и порождающий их социальный порядок постепенно становятся все более абстрактными в том смысле, что уже невозможно выделить и различить бесконечное множество разнообразных конкретных знаний, которыми располагают люди, действующие в границах какого-либо института, и преследуемых ими личных целей. Из всех этих институтов деньги являются, вероятно, наиболее абстрактным и, соответственно, самым сложным для понимания.

Термин «экономический расчет» обозначает любой приблизительный расчет в денежных единицах результатов различных вариантов действий. Такой экономический расчет делает любой человек во всех тех случаях, когда он проявляет предпринимательство; он возможен исключительно благодаря существованию денег и практической информации, которую постоянно генерирует и передает предпринимательство.

Вездесущность предпринимательства. Потребитель тоже постоянно действует как предприниматель. Он ведет себя как предприниматель, когда пытается решить, какое потребительское благо он предпочитает, когда следит за новыми продуктами на рынке или, наоборот, когда решает прекратить тратить время на поиски новых возможностей.

Предпринимательство проявляют все, кто действует на рынке, вне зависимости от того, в какой роли они там выступают.

Основной принцип. Важно не то, кто конкретно исполняет предпринимательскую функцию — важна ситуация, когда нет институциональных и юридических ограничений на осуществление предпринимательства, и, следовательно, любой человек может использовать свои предпринимательские способности, извлекая преимущества из той эксклюзивной практической информации, которую он обнаружил в каждом конкретном случае.

Даже самые скромные люди с самым низким социальным статусом, не обладающие формальным знанием, эксклюзивно владеют как минимум маленькими кусочками или фрагментами знания или информации, которая может иметь решающее значение для хода исторических событий. С этой точки зрения очевидно, что наша концепция предпринимательства имеет принципиально гуманистическую природу и превращает экономическую теорию прежде всего в гуманистическую науку.

Конкуренция и предпринимательство. Социальный процесс носит ярко выраженный конкурентный характер в том смысле, что различные действующие субъекты сознательно или бессознательно конкурируют друг с другом за то, чтобы первыми обнаружить и использовать возможности для извлечения прибыли.

Предпринимательство является той силой, которая объединяет общество и обеспечивает его гармоничное развитие, так как оно берет на себя координацию неизбежных и необходимых случаев несогласованности, вызванных этим развитием.

Разделение знания и расширенный порядок общественного сотрудничества. С учетом ограниченной способности человеческого ума усваивать информацию и растущего объема новой информации, постоянно создаваемой в ходе социального процесса, двигателем которого является предпринимательство, понятно, что развитие общества требует постоянного расширения и

углубления разделения знания. Эта идея в исходной, неуклюжей объективистской формулировке «разделение труда».

Мизес видел, что «закон сравнительных издержек» Рикардо является всего лишь частным случаем более общего закона, «закона образования связей», который объясняет, каким образом сотрудничество между наиболее квалифицированными и наименее квалифицированными людьми выгодно обеим сторонам при условии, что каждый человек совершает предпринимательское открытие и приходит к пониманию, что ему выгодно специализироваться на том виде деятельности, где он имеет большее относительное сравнительное преимущество.

По мнению Хайека «расширенный порядок — это, пожалуй, самая сложноорганизованная структура во Вселенной». Этот «расширенный порядок общественного сотрудничества» является квинтэссенцией стихийного, эволюционного, абстрактного и незапланированного порядка. Хайек называет его «космосом» и противопоставляет намеренному, конструктивистскому или организованному порядку (таксису).

Невозможно обладать растущим знанием в увеличивающемся числе конкретных областей, если численность населения не растет. Главным ограничением для развития цивилизации является демографическая стагнация, поскольку она замедляет процесс, посредством которого практическое знание, необходимое для экономического развития, становится более глубоким и более специализированным.

Творчество versus максимизация. Фундаментальный смысл предпринимательства, или человеческой деятельности, состоит не в оптимальном распределении данных средств относительно целей, которые являются данностью. Вместо этого, как мы уже видели, в процессе предпринимательства человек воспринимает, определяет и узнает цели и средства, то есть активно и творчески ищет и находит новые цели и средства.

Спустя тысячелетия мы, наконец, в состоянии объяснить научно и рационально библейскую заповедь книги Бытия: «Плодитесь и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею».

Наша концепция общества. Мы определяем общество как процесс (то есть динамическую структуру). Этот процесс: стихийный и, таким образом, у него нет сознательного «проектировщика»; очень сложный, так как он включает миллиарды людей с их бесконечно разнообразными целями, вкусами, оценками и практическими знаниями; состоящий из человеческих взаимодействий (по сути представляющих собой акты обмена, которые часто продуцируют денежные цены и всегда происходят в соответствии с определенными правилами, обычаями или нормами поведения). За всеми человеческими взаимодействиями такого рода стоит сила предпринимательства, постоянно создающая, обнаруживающая и передающая информацию по мере того, как она с помощью конкуренции корректирует и координирует противоречащие друг другу планы отдельных индивидов и дает им возможность сосуществовать во все более разнообразной и сложной среде.

Хайек считает, что главная цель экономической теории — анализ того, как стихийный социальный порядок позволяет нам использовать преимущества огромного объема практической информации, которая не доступна в консолидированной форме, а рассеяна в умах миллионов индивидов.

Глава 3. СОЦИАЛИЗМ

1. Определение социализма

Мы будем называть «социализмом» любое институциональное ограничение, или агрессию, по отношению к свободному проявлению человеческой деятельности или предпринимательства. Очень часто институциональные ограничения или институциональное вмешательство возникают из *сознательного* желания улучшить процесс социальной координации и достичь определенных целей или рубежей.

Агрессия бывает двух типов: систематическая, или институциональная, и несистематическая. Институциональное принуждение носит высокопредсказуемый, повторяющийся, методичный и организованный характер. Агрессия не только препятствует людям пользоваться прибыльными возможностями; она исключает даже самую возможность их обнаружить. Информация не будет создаваться и не будет распространяться, а индивиды не будут учиться приспосабливать свое

поведение к поведению других людей. Главное последствие социализма состоит в сдерживании действия координирующих сил, которые делают возможной жизнь в обществе. Означает ли это, что сторонники социализма борются за хаотическое и беспорядочное общество? Нет. Они считают, что система социальной координации не только не будет повреждена институциональной, или систематической, агрессией, к которой они призывают, но, напротив, что эта система станет гораздо более эффективной, поскольку систематическое принуждение будет осуществляться органом власти, чьи оценки и знания (в отношении целей и средств) и в количественном, и в качественном отношении значительно превосходят те, на которые способны жертвы принуждения на индивидуальном уровне. Теперь мы можем дополнить определение социализма, сформулированное в начале раздела: Социализм — это любое систематическое или институциональное принуждение или агрессия, которое ограничивает свободное осуществление предпринимательства в какой либо социальной сфере и осуществляется органом власти, отвечающим за обеспечение необходимой социальной координации в этой сфере.

2. Социализм как интеллектуальная ошибка

Социализм представляет собой интеллектуальное заблуждение потому, что теоретически невозможно, чтобы орган, отвечающий за осуществление институциональной агрессии, получил доступ к информации, достаточной для того, чтобы отдавать приказы, способные координировать жизнь общества.

3. Невозможность социализма с точки зрения общества

«Статический» аргумент. Каждый из взаимодействующих друг с другом людей, образующих общество, обладает несколькими битами эксклюзивной, практической, рассеянной информации, которая по большей части неявная, так что ее нельзя выразить словами (артикулировать). Следовательно, передать эту информацию органу власти логически невозможно.

«Динамический» аргумент. С динамической точки зрения, когда люди занимаются предпринимательством, то есть действуют, они постоянно создают и открывают новую информацию. Кроме того, вряд ли можно передать органу власти информацию или знание, которые еще не созданы, а возникают постепенно в ходе самого социального процесса, если этому процессу не мешают. Орган власти в принципе не может получить информацию, необходимую ему для координирования общества посредством приказов, не только потому, что эта информация рассеянная, эксклюзивная и не поддающаяся вербализации, но и потому, что она постоянно меняется и возникает ex nihilo, по мере того как проходит время и действующие субъекты свободно проявляют предпринимательство. И, наконец, использование принуждения препятствует тому, чтобы предпринимательский процесс вызывал открытие и создание информации, необходимой для поддержания координации в обществе.

4. Невозможность социализма с точки зрения органа власти

Вероятность того, что плановый орган узнает, что и как искать, а также, где находить фрагменты рассеянной информации, которая порождается в ходе социального процесса и так отчаянно нужна ему, чтобы контролировать и координировать процесс, практически равна нулю. Кроме того, орган принуждения состоит из людей, которые, как и все остальные действующие субъекты, имеют личные цели, работающие как стимулы, которые побуждают их находить информацию, значимую для них в контексте их частных интересов. Руководящий орган будет неспособен производить экономический расчет в том смысле, что, вне зависимости от их целей (допустим даже, что они чрезвычайно «гуманны» и «моральны»), у властей не будет никакого способа узнать, как издержки реализации этих целей соотносятся с той субъективной ценностью, которую они им приписывают. Издержки — это просто субъективная ценность для действующего человека того, от чего он отказывается, когда он действует ради достижения какой-либо конкретной цели. Ясно, что орган власти не может получить знания или информации, необходимых ему, чтобы понять те издержки, которые он несет, с точки зрения своей собственной шкалы ценностей, потому что информация о конкретных обстоятельствах времени и места, необходимая для оценки издержек, рассеяна по умам всех людей, которые составляют социальный процесс и подвергаются принуждению со стороны (демократически избранного или иного) органа власти, ответственного за осуществление систематической агрессии против общества.

Здесь возникает неразрешимый парадокс: чем больше орган власти настаивает на планировании и контроле применительно к какой-либо области социальной жизни, тем менее вероятно, что он достигнет своих целей, потому что не в силах получить информацию, необходимую для того, чтобы организовывать и координировать общество. На самом деле, в той степени, в какой власть успешно применяет принуждение и ограничивает предпринимательские возможности людей, она станет причиной новых, более тяжелых случаев рассогласованности и искажений.

5. Почему компьютеризация не делает социализм возможным

Развитие компьютеров и компьютерных технологий не только не упрощает проблему социализма, но сильно осложняет ее, так как компьютеры дают действующим субъектам возможность предпринимательски создавать гораздо больший объем все более сложноорганизованной и подробной практической информации и данных, которые всегда будут более разнообразными и полными, чем те, которые способен обнаружить с помощью компьютеров орган власти.

Компьютерные системы способны исключительно на то, чтобы применять *открытую ранее* информацию к конкретным ситуациям; они в принципе не в состоянии создать новую информацию в отношении тех ситуаций, которые еще не были обнаружены и в которых преобладает создание ex novo субъективной, неявной и рассеянной информации, типичной для социальных процессов.

6. Другие теоретические последствия социализма

Мы показали, что социализм является интеллектуальной ошибкой, вытекающей из пагубной самонадеянности, из представления о том, что человек достаточно разумен, чтобы организовать жизнь в обществе. В этом разделе мы представим анализ неизбежных последствий, возникающих, когда человек пренебрегает логической невозможностью существования социализма и настаивает на создании институциональной системы принуждения, которая в большей или меньшей степени ограничивает свободу человеческой деятельности.

Отсутствие координации и социальный беспорядок

Ошибочная информация и безответственное поведение. Для социализма характерно не только то, что он препятствует созданию информации, но и то, что он запускает процессы, систематически привлекающие и порождающие ошибочную информацию, тем самым поощряя широкое распространение безответственного поведения. Мы считаем действие «ответственным», когда тот, кто его предпринимает, учитывает издержки, которые он и другие связанные с ним люди несут в результате этого действия.

Эффект разложения. Социализм имеет свойство разлагать, или искажать, ту энергию предпринимательства, которая проявляется в любой человеческой деятельности. Управляемые или испытывающие принуждение человеческие существа вскоре делают предпринимательское открытие: шансы достичь цели повышаются, если, вместо того, чтобы пытаться находить случаи социальной рассогласованности и заниматься их координацией, используя предоставляемые ими возможности для извлечения прибыли, люди посвящают свое время, усилия и свойственную им смекалку тому, чтобы повлиять на процесс принятия решений органом власти. Соответственно, стихийный и способный к самокоординации социальный процесс искажается и подменяется процессом борьбы за власть, в ходе которого систематическое насилие и конфликт различных индивидов и социальных групп, добивающихся власти или влияния, становятся лейтмотивом жизни в обществе. Таким образом, в социалистической системе люди теряют привычку поступать морально (то есть в соответствии с обычаями и принципами); их личности и поведение постепенно меняются, становясь все более и более аморальными (то есть независимыми от принципов) и агрессивными.

Подпольная, или «теневая», экономика

Отставание в социальном (экономическом, технологическом, культурном) развитии. Одной из наиболее характерных особенностей социалистической системы является сопротивление новшествам и низкие темпы внедрения современных технологических инноваций; вследствие этого социалистические режимы всегда отстают от своих конкурентов в сфере развития и практического применения новых технологий. Невозможно запланировать будущее развитие знания, если оно еще не было создано и к тому же может возникнуть исключительно при условии предпринимательской свободы, которую нельзя учредить приказом.

Дегградация традиционных представлений о законе и порядке. Моральный распад, порождаемый социализмом. Социализм побуждает людей нарушать закон, лишает закон содержания и калечит его, совершенно дискредитируя в глазах общества; в результате граждане полностью теряют уважение к закону. Выдающимся примером морального распада, порождаемого социализмом, был лорд Кейнс, один из главных вдохновителей систематического принуждения и интервенционизма в денежной и фискальной сфере.

Социализм как «опиум народа». Наконец, у социализма есть системный эффект, состоящий в том, что он препятствует гражданам обнаружить те негативные последствия, к которым он приводит. Система делает возвращение к предпринимательским обычаям и моделям поведения, не основанным на принуждении, очень мучительным и тяжелым .

Антисоциальная сущность природы социализма. В политической сфере социализм неизбежно скатывается к тоталитаризму, поскольку систематическое принуждение имеет тенденцию проникать во все уголки и закоулки общества, уничтожая свободу и личную ответственность. Итак, социализм является по сути античеловеческим и антисоциальным, так как он основан на систематическом принуждении, направленном против самого сокровенного, что есть у человека: его способности к свободной и творческой деятельности.

7. Различные типы социализма

Демократические социалисты постепенно отказались от цели «обобществления» средств и факторов производства и перешли к концентрации систематической, или институциональной, агрессии в сфере налогообложения — ради того, чтобы выровнять «социальные возможности» и результаты социального процесса, чтобы достичь равенства результатов. Социал-демократы обычно преследуют якобы «благородные» цели, например, «перераспределение» доходов и богатства, «улучшение функционирования» общества. Эта система стремится создать иллюзию, что, поскольку ее главная цель — это воплощение «демократического» идеала, а институциональную агрессию осуществляют на практике демократически избранные «представители», то эта агрессия не является проблемой. *Демократические выборы не оказывают влияния на фундаментальную проблему неустранимого неведения, в котором пребывает руководящий орган, отвечающий за применение систематического принуждения.*

Хайек отстаивает систему, основанную на ограничении власти государства и недоверии к типичной для государства институциональной агрессии, опирающуюся на ряд взаимно уравновешивающих друг друга органов, которые состоят из демократически избранных представителей. Поскольку социал-демократия распространилась по всем странам, где отсутствует реальный социализм, то у граждан нет базы для сравнения, которая могла бы открыть им глаза на негативные последствия социал-демократической институциональной агрессии (вмешательства), как это происходит сейчас в странах реального социализма, где наличие возможности для сравнения усиливает движения (революционные и нет), выступающие за демонтаж и реформирование этой системы.

Консервативный, или «правый», социализм. Главная цель «правого» социализма состоит в том, чтобы сохранить все, как есть, не давая свободному предпринимательству и творческой человеческой деятельности разрушить предварительно установленную рамку социальной организации.

Социальная инженерия, или сциентистский социализм. Сциентистский социализм — это тип социализма, предпочитаемый учеными и интеллектуалами, которые считают, что, поскольку они владеют артикулированным знанием и информацией «более высокого порядка», чем та, которая доступна остальным членам общества, они имеют право рекомендовать и направлять систематическое принуждение на уровне общества. Его происхождение связано с интеллектуальной традицией картезианского, или конструктивистского рационализма, согласно которому разум интеллектуалов способен на все: в частности, именно он сознательно создал или изобрел все социальные институты, и поэтому его вполне достаточно, чтобы менять и планировать их по собственному разумению.

Ошибка рационалистов заключается в том, что они полагают, что социальные законы и институты, делающие возможным процесс человеческого взаимодействия, являются результатом сознательных усилий человека. Они не учитывают, что эти институты и законы могут быть итогом эволюционного

процесса, в котором на протяжении чрезвычайно долгого времени принимали участие миллионы и миллионы людей: каждый вносил в него свой маленький запас практической информации и опыта, порожденный в ходе социального процесса. Именно поэтому *эти институты в принципе не могли возникнуть в результате сознательной и намеренной деятельности человеческого ума, неспособного вместить всю ту практическую информацию и знания, которые в них содержатся.*

Следует сказать, что социальная инженерия основана на распространенном в экономической науке и социологии некорректном методологическом подходе, который обращает внимание исключительно на конечные состояния равновесия и зависит от самонадеянного предположения о том, что вся необходимая информация дана ученому и доступна ему; этот подход и соответствующая ему презумпция буквально насквозь пропитывают большую часть современной экономической аналитики, полностью обесмысливая ее.

Другие типы социализма (христианский, или солидарный, синдикалистский и т.п.). Социализм, основанный на христианстве, или «солидарности», возникает тогда, когда конкретные результаты социального процесса оцениваются как неблагоприятные с «моральной» точки зрения и имеет место оправдание применения систематического институционального принуждения во имя того, чтобы исправить эти «несправедливости».

Сторонники синдикалистского социализма пытаются с помощью систематического институционального принуждения создать общество, в котором рабочие напрямую владеют средствами производства. Теоретики подробно проанализировали его типичные отличительные особенности и сделанные ими теоретические выводы были полностью подтверждены конкретными историческими примерами, скажем, Югославией, где была предпринята попытка осуществить синдикалистский социализм на практике.

8. Критика других определений социализма

Социализм традиционно определяли как систему социального устройства, основанную на государственной собственности на средства производства. Однако традиционное определение социализма с самого начала было явно неудовлетворительным. Во-первых, оно носило очевидно статический характер, так как было сформулировано в терминах существования (или несуществования) конкретного правового института (прав собственности) в связи с конкретной экономической категорией (средствами производства). Также, под традиционное определение не попадали интервенционизм и экономическое регулирование, которые, хотя и не требуют полной национализации средств производства, также порождают в качественном отношении аналогичный эффект нарушения координации.

Аналогично, бессмысленно и бесполезно давать социализму определения, основанные на субъективных, идиллических оценках. Нередко можно встретить определение социализма как «социальной гармонии», «гармоничного союза человека и природы» или просто «максимизации благосостояния населения». Все эти определения не имеют смысла, потому что мешают понять, намерен ли тот, кто их предлагает, оправдывать систематическое использование институционального принуждения против свободного человеческого взаимодействия.

Глава 4. Людвиг фон Мизес и начало спора об экономическом расчете

В этой и последующих главах мы намерены тщательно проанализировать спор о невозможности экономического расчета в социалистических экономиках. Статус его участников в научном сообществе, теоретическая глубина и влияние на последующее развитие нашей науки обеспечили этому спору очень важное место в истории экономической мысли. Мы дадим описание наиболее важных мнений каждого из участников, а также этапов полемики и ее наиболее значимых аспектов. Кроме того, мы подвергнем критическому анализу наиболее распространенную версию сущности спора и его исхода (которую мы считаем ошибочной) и попытаемся предложить несколько объяснений, почему именно эта версия стала господствующей. Эту главу мы начнем с анализа исторического контекста спора, и с подробного изучения принципиального открытия Людвиг фон Мизеса, вокруг которого он разгорелся.

1. Контекст

То, что социализм является интеллектуальным заблуждением и, следовательно, теоретически и практически невозможен, становится очевидно, с точки зрения истории экономической мысли, только в результате осознания, что общество и рынок функционируют как стихийный порядок, возникающий из постоянного взаимодействия друг с другом миллионов людей.

Нет ничего удивительного в том, что, хотя эта концепция была подробно сформулирована совсем недавно, люди отстаивали ее очень давно. Например, Цицерон рассказывает нам, что Катон считал римскую правовую систему превосходящей все остальные потому, что она «была создана умом не одного, а многих людей и не в течение одной человеческой жизни, а в течение нескольких веков и на протяжении жизни нескольких поколений». Эта ссылка приведена Бруно Леони в его книге Свобода и закон.

Книга Леони поразительна со всех точек зрения, не только потому, что в ней показан параллелизм между рынком и обычным правом, с одной стороны, и позитивным законодательством и социализмом — с другой, но и потому, что Леони — первый юрист, который понял, что тезис Людвига фон Мизеса о невозможности экономического расчета при социализме — это просто «частный случай более общего утверждения о том, что ни один законодатель не смог бы самостоятельно, без постоянного сотрудничества со всеми людьми, которых это касается, установить правила, регулирующие реальное поведение каждого человека в тех бесконечных отношениях, которые связывают каждого с каждым. Никакие опросы общественного мнения, никакие референдумы, никакие консультации не смогут обеспечить законодателям возможность устанавливать эти правила.

Макс Вебер первым показал, что социализм препятствует росту населения. Он пишет: «Следует серьезно отнестись к тезису о том, что поддержание определенной численности населения в конкретном регионе возможно только на основании верного расчета.

2. Фундаментальное открытие Людвига фон Мизеса

Мизес четко сформулировал невозможность порождения внутри социалистической системы практической информации в виде рыночных цен, необходимой для разделения умственного труда, которого требует современное общество и которое возникает исключительно из творческого характера человеческой деятельности, или предпринимательства: «Это и есть то решающее возражение, которое экономическая наука выдвигает против возможности социалистического общества.

Другое важнейшее открытие Мизеса состояло в том, что информация, которую постоянно генерирует рынок, возникает в ходе предпринимательства, ориентированного на те конкретные обстоятельства времени и места, которые могут быть известны только самому действующему индивиду.

Человека делает коммерсантом не знание бухгалтерии, не умение организовать дело, не стиль деловой переписки и даже не диплом высшей коммерческой школы, а его особое положение в процессе производства, позволяющее ему отождествлять интересы фирмы со своими собственными интересами. Когда успешного бизнесмена назначают управляющим государственным предприятием, предприниматель, отчужденный от столь характерной для него роли в экономической жизни, перестает быть бизнесменом. Сколь бы ни были велики его знания и опыт, он теперь не более чем должностное лицо.

Парадоксальным образом, с точки зрения самого Маркса, марксистский социализм — это утопический социализм, потому что правильное понимание логической природы информации, которую создает и использует рынок, неизбежно приводит к заключению, что действующие на рынке силы технологического и экономического развития делают невозможным движение рынка к общественному порядку, основанному на централизованной и принудительной организации всей практической информации.

Именно в этом состоит фундаментальное заблуждение Маркса, а остальные его экономические и социальные ошибки можно рассматривать просто как частные следствия этой исходной радикальной ошибки. Например, трудовая теория ценности это просто естественный результат его веры в то, что информация и знание объективны и в безошибочном виде доступны внешнему наблюдателю. Мы же знаем, что ценность это просто субъективная, рассеянная и невербализованная идея, или «бит» информации.

4. Дополнительные замечания о концепции Мизеса

Мизес перечислил три преимущества экономического расчета в том виде, в каком он происходит в реальной рыночной экономике. Во-первых, экономический расчет позволяет учитывать оценки экономических субъектов, участвующих в социальном процессе. Во-вторых, экономический расчет дает предпринимателям ориентиры, основываясь на оценке прибылей и убытков, которые постоянно делают предприниматели. В-третьих, экономический расчет позволяет свести многие оценки, связанные с деятельностью, к общему знаменателю — денежным единицам.

Мизес показывает, что внешняя точность (финансового и управленческого) учета обманчива, так как цифры в отчетности скрывают, что они основаны на субъективных суждениях строго предпринимательского характера о том, в каком направлении будут развиваться события. Однако, несмотря на все свои несовершенства и недостатки, экономический расчет является единственным социальным ориентиром, позволяющим обнаружить возникающие в обществе нарушения координации.

Мизес считает, что установление социалистического режима подразумевает уничтожение рациональной экономической науки, поскольку при социалистическом режиме настоящие цены и деньги не могут существовать в том смысле, в каком они существуют в реальной рыночной экономике.

Доказательство Мизеса можно также использовать для анализа теоретического предела роста любого «бизнеса» в рыночной экономике. Размер компании неизбежно ограничивает возможность эффективной организации внутри нее: всегда будет существовать некий критический уровень, после достижения которого объем информации, необходимой менеджменту, чтобы управлять компанией, станет настолько огромен, а сама эта информация — настолько сложноорганизованной, что способности менеджеров к ее усвоению и интерпретации будут превышены, и, соответственно, дальнейший рост компании будет в основном избыточным и безрезультатным.

По мере того как разделение знания становится масштабнее, глубже и подробнее, и в результате этого растет сложность социальных и экономических процессов, компании становится все трудней вертикально интегрироваться и расширяться, потому что ее менеджмент должен интерпретировать и использовать возрастающие объемы все усложняющейся информации. Многие крупные фирмы обнаруживают, что единственный способ выдержать конкуренцию с небольшими фирмами — это поощрение и стимулирование предпринимательской инициативы внутри фирмы.

Эти рассуждения подтверждаются и дополняются проведенным Рональдом Коузом аналитическим исследованием природы «фирмы». Однако, Коуз демонстрирует странную одержимость «транзакционными издержками», что по умолчанию предполагает существование информации, необходимой, чтобы выделить и посчитать эти издержки. Однако фундаментальная экономическая проблема — это не проблема транзакционных издержек, это предпринимательская проблема, то есть вопрос поиска и создания необходимой информации с точки зрения новых целей и новых средств, необходимых для их достижения. Проблема не в том, что информация дана, хотя и носит рассеянный характер и ее очень «трудно» добыть, а в том, что информация не дана, и в случае, если предпринимательский процесс идет успешно, новая практическая информация может непрерывно создаваться или обнаруживаться без каких-либо издержек.

Этот довод демонстрирует также ошибочность теории Маркса, которая считает, что при капиталистической системе компании всегда стремятся к укрупнению. Если фирма постоянно расширяется, то наступит время, когда она столкнется с возрастающими трудностями, потому что ее менеджеры будут вынуждены принимать решения «вслепую».

5. Первые предложения социалистов по поводу того, как решить проблему экономического расчета

Экономический расчет в натуральном выражении. Среди тех, кто верил в возможность экономического расчета в обществе без денег, можно упомянуть Карла Баллода, Николая Бухарина, Отто Нейрата, Карла Ландауэра и Александра Чаянова. В общих чертах идея, которой они придерживаются, состоит в том, что общество должно будет определять потребности каждого гражданина с помощью «объективных» критериев, установленных специалистами (биологами, агрономами и т.п.). Затем соответствующее управление статистики или институт планирует

количество потребительских благ (сапог, брюк, рубашек и т.п.), которые должны быть произведены в течение года. Позже эти потребительские блага будут таким же способом распределены между гражданами.

Вероятно, можно простить социалистическим теоретикам то, что они не смогли с самого начала осознать неразрешимость проблемы, которую ставит перед социализмом субъективный, рассеянный и невыраженный в словах характер информации, но нельзя простить им ту вопиющую ошибку, которую представляет собой идея о том, что рациональный расчет возможен без использования какой-либо денежной единицы в качестве общего знаменателя.

Экономический расчет в рабочем времени. Теоретики предлагали правительству учитывать рабочее время каждого гражданина и выдавать каждому работнику определенное количество чеков, которые соответствовали бы числу отработанных им часов и давали бы ему право на определенное количество произведенных потребительских благ и услуг.

По мнению Мизеса, при экономических расчетах в рабочем времени возникают две неразрешимые проблемы. Во-первых, этот критерий невозможно применять к производственным процессам, в которых используются невозобновляемые природные ресурсы. Во-вторых, час труда не представляет собой чего-то однородного и единообразного. А, следовательно, невозможно произвести расчет, используя неоднородные величины.

Марксистская доктрина предложила в качестве решения этой проблемы попытку свести разные виды труда к так называемому «простому общественно необходимому труду». Однако, вне результатов рыночного процесса свести различные виды труда к общему знаменателю невозможно.

Экономический расчет в единицах полезности. Некоторые социалисты, благодаря возражениям Мизеса осознавшие невозможность расчета в рабочем времени, полагали, что проблему может решить расчет в «единицах полезности». Однако, полезность — это строго субъективное понятие. Полезность нельзя измерить; можно только сравнивать полезность, связанную с разными вариантами действий, в момент принятия решения.

Глава 5. Неоправданный сдвиг в споре в сторону статики: аргументы формального сходства и так называемое «математическое решение»

1. Аргументы формального сходства

Старая школа внутри социалистической традиции наивно считала, что социалистическая система может обойтись без экономических понятий ценности и процента. Ради того, чтобы продемонстрировать, что идеальная коммунистическая система будет нуждаться в фундаментальных понятиях ценности и процента даже в состоянии равновесия, экономисты пошли на теоретическую уступку, предположив, что главная экономическая проблема (как получить необходимую информацию) уже решена. Однако, именно эта уступка привела к необоснованному переносу спора в область статики, где он не имел никакого смысла. Так экономисты совершили ошибку, сосредоточившись исключительно на практических трудностях, связанных с решением многочисленных сложных систем уравнений, и даже не заметив того, что существует проблема теоретической невозможности социализма как такового. Этот пример наглядно показывает, как велика опасность применения математических методов в экономической теории; дело в том, что их использование скрывает действительно важные экономические проблемы даже от самых блестящих умов.

Аргументы формального сходства, выдвинутые Ойгеном фон Бём-Баверком и Фридрихом фон Визером. В 1889 г. была опубликована книга Фридриха фон Визера, в которой было показано, что экономические блага не перестанут иметь ценность даже в сообществе или государстве, организованном на коммунистических принципах. Мизес резко критикует Визера за то, что он так и не понял сути идеи субъективизма австрийской школы мысли и в результате совершил множество ошибок.

Также в 1889 г. Ойген фон Бём-Баверк в «Капитал и прибыль» рассматривает ставку процента как базовое экономическое понятие, которое должно присутствовать в любой экономической системе, все равно: капиталистической или коммунистической. Поэтому вызывающая такую критику

«прибавочная ценность», или «эксплуатация», типичная для капиталистической системы, не исчезнет при социалистическом режиме.

2. Анализ «математического» решения

Разбираясь с теорией Маркса, мы установили, что его идеальная модель общества в конце концов сводится к модели равновесия, которую, по его мнению, возможно и желательно навязать насильно посредством центрального планового органа. Различные теоретики вырабатывали формальные условия для этой модели равновесия и, благодаря предположению, что фундаментальная экономическая проблема получения информации изначально решена, они сформировали у многих убеждение, что социализм ставит просто алгебраическую проблему математического решения более или менее сложной системы многочисленных уравнений. Таким образом, постепенно вошло в привычку считать, что теоретики, видевшие формальное сходство между капитализмом и социализмом (Визер, Бароне и др.), доказали, что, в отличие от того, что утверждал Мизес, экономический расчет при социализме «теоретически» возможен и что если с ним и связаны какие-либо трудности, то они носят алгебраический характер и относятся к решению соответствующей системы уравнений. Тем не менее, мы показали, что эта интерпретация неверна от начала до конца.

Даже если в какой-то момент окажется, что можно решить все те чрезвычайно сложные и многочисленные системы уравнений, о которых говорят теоретики формального сходства, непреодолимая теоретическая и логическая проблема, связанная с получением информации, необходимой для формулировки этих уравнений, будет существовать всегда.

Генри Дуглас Диккинсон утверждает, что при социалистическом рынке типичное для рынка неведение о существующих экономических возможностях будет устранено благодаря систематическому обнародованию «информации» о производстве, издержках, продажах, запасах и вообще о любых статистических данных, могущих иметь какое-либо значение. Диккинсон и подобные ему теоретики неправильно понимают, что такое информация, потому что статистика — это всегда то, что уже неактуально. Статистические данные могут субъективно интерпретироваться самыми разными способами; они не только не способствуют предпринимательским процессам координации, но и усложняют и искажают их в той степени, в какой их внешняя «достоверность» оказывает реальное влияние на предпринимателей. Кроме этого, у принудительного навязывания компаниям излишних обязательств по отчетности и раскрытию «информации», значительно превышающих уровень, который традиционно требуется для ведения бизнеса, есть еще такие последствия, как избыточные издержки и неверное размещение ресурсов.

По своей сути информация субъективна и динамична, она постоянно создается ex novo вследствие предпринимательской активности в контексте рыночной экономики. Соответственно, если свободное предпринимательство запрещено, а экономика принудительно управляется сверху посредством приказов, то необходимая для координации социального процесса практическая информация даже не будет возникать или генерироваться. Уже в 1912 г. голландский экономист Николас Пирсон писал, что в реальной экономике даже доступность всем и каждому подробнейшей статистики не принесет никакой пользы, потому что из-за постоянных перемен статистическая информация устаревает еще до того, как она опубликована.

5. Теоретическая невозможность планометрики

Популяризатор этого термина Юзеф Вильчинский пишет: «Планометрика — это раздел экономики, посвященный методам построения экономических планов и их оптимизации с использованием современных математических методов и электронных вычислительных устройств». Нужно отметить советскую школу во главе с Леонидом Канторовичем, который был одержим развитием и усовершенствованием методов оптимизации, а также оказался неспособен осознать экономическую (в отличие от «технической») проблему, которую ставит социализм, и предложить решение, направленное против постепенного распада советской модели.

Главная цель этих моделей состоит в том, чтобы предварительно задать всю конфигурацию равновесных цен, и, соответственно, сделало бы ненужным реально происходящий на рынке процесс координации, который по своей природе всегда действует a posteriori, поскольку в движение его приводит сила предпринимательства. Планометрические технологии направлены на

то, чтобы заменить конкурентный предпринимательский процесс механизмом, который сделал бы возможным централизованную предварительную координацию общества.

Математический метод подходит только для описания систем равновесия. Математический метод не позволяет формально выразить сущность предпринимательства, которое является основным ключевым элементом всей экономической и социальной жизни. Экономист, использующий математические элементы, постоянно подвергает себя риску поверив в то, что цены и издержки определяются пересекающимися кривыми и функциями, а не последовательностью конкретных человеческих действий и взаимодействий. В конце концов, он может поверить, что функции, с которыми он работает — реальны и познаваемы.

Наш основной аргумент состоит не в том, что конкуренция создает «оптимальное» сочетание ресурсов, а в том, что это динамический процесс, развивающийся благодаря энергии реальных людей, процесс, обеспечивающий в обществе корректировку и координацию. Главный аргумент — не в том, что система «совершенной конкуренции» лучше, чем монополярная система, а в том, что рынки и человеческая деятельность, не стесненная принуждением, обеспечивают координацию.

Глава 6. Оскар Ланге и «конкурентное решение»

Все варианты так называемого «конкурентного решения» являются, в большей или меньшей степени, попыткой создать нечто вроде «квазирынка» (как выразился Мизес), на котором поведение экономических субъектов напоминает поведение экономических субъектов в капиталистической системе настолько, насколько это возможно.

Рыночный социализм в его наиболее смягченной форме трудно отличить от демократического социализма. Он представляет собой попытку решить все проблемы общества.

Широкая поддержка социалистическими теоретиками идеи «конкурентного решения» представляет собой не что иное, как неявное признание верности исходной позиции Мизеса о невозможности экономического расчета в социалистических экономиках. Социалисты перестали проповедовать традиционное марксистское учение о том, что социализм превосходит капитализм тем, что он позволяет обходиться без рынка, цен и конкуренции. Наоборот, теперь они с комической серьезностью стремятся оправдать социализм тем, что он позволяет сохранить рынок, и даже пытаются доказывать, что рынок и капитализм являются различными и не обязательно связанными друг с другом экономическими категориями.

2. Исторические корни «конкурентного решения»

Идеи Эдуарда Хеймана и Карла Поланьи. Эдуард Хейман был одним из первых теоретиков, кто писал о «конкурентном решении» (1922 г.). Он также был одним из первых теоретиков, кто, вскоре после самого Маркса, признал серьезность проблемы экономического расчета. Хейман придерживается мнения, что если бы у менеджеров разных отраслевых монополий просто были разные цели, идеалы и интересы, то результат их деятельности был бы таким же «конкурентным», как и тот, который непрерывно производит настоящая рыночная экономика.

Первые критические возражения Мизеса, Хайека и Роббинса против «конкурентного решения». С точки зрения Мизеса, с того момента, как частная собственность на средства производства отменяется, бесполезно требовать от менеджеров компаний, чтобы они вели себя как предприниматели, потому что они оказываются «во мраке неведения» сразу, как только утрачивают возможность достигать того, что они субъективно оценивают как свою потенциальную прибыль.

Предприниматели действуют соответственно своим представлениям о будущем, движимые психологическим напряжением, возникающим между их желанием получить прибыль и тем, как они субъективно оценивают свои шансы понести убыток. Менеджер, по сравнению с предпринимателем, находится в принципиально иных условиях и никогда не будет иметь доступа к той же практической информации, что предприниматель; поэтому в социалистической системе окончательное «предпринимательское» решение будет принимать центральный орган планирования, который уполномочен решать, кто получит соответствующие фонды и ресурсы. Мизес делает вывод, что существует «альтернатива: либо социализм, либо рыночная экономика», но считать промежуточным «решением» «рыночный социализм» совершенно нереально.

Хайек отмечает, что даже если «конкуренция» разрешена на всех уровнях, в отсутствие частной собственности на средства производства будет необходимо создать или найти иную систему для подтверждения того, что соответствующие менеджеры поступают правильно. Чтобы могла создаваться информация, необходимая для функционирования рынка, человек должен иметь право продать свою собственность, что абсолютно несовместимо с государственной собственностью на средства производства и централизованным контролем над экономикой.

3. Позиция Оскара Ланге: вступительные замечания

Модель Ланге—Брейта. В 1934 г. Ланге и Брейт представляют экономику как множество обладающих высокой степенью автономности «отраслевых трестов», менеджмент которых должен находиться под сильным влиянием представителей профсоюзов. Тресты должны «координировать» центральный банк. Предложения Ланге и Брейта почти полностью совпадают с предложениями, высказанными Хейманом и Поланьи в 1920-е годы. При этом, Ланге и Брейт не учли ни одного из критических возражений Мизеса на модели «конкурентных» монополий Хеймана и Поланьи, которые он высказал за 10 лет до этого, и не ответили ни на одно из них.

Ланге и Брейт, скорее всего, не читали работ Мизеса, опубликованных им в 1920—1928 гг.; вследствие этого они не осознавали массы проблем, связанных с их предложениями — в силу идеологической слепоты, а также оттого, что недостаточно тщательно продумали свою позицию. Не исключено также, что они просто предпочли не заметить возражений Мизеса и не стали упоминать о них по идеологическим или политическим причинам.

4. Оскар Ланге и его классическая модель «рыночного социализма»

Свои идеи Ланге опубликовал в октябре 1936 и в феврале 1937 г. в двух частях статьи под названием «Об экономической теории социализма». В ней Ланге стремился выразить свое убеждение в том, что неоклассическая теория равновесия и, в особенности, «экономика благосостояния» предоставляет наиболее фундаментальное теоретическое основание для социалистической системы.

Рыночные цены versus «параметрические цены». Заветная мечта Ланге состояла в том, чтобы можно было имитировать конечное состояние, к которому стремятся рыночный процесс и конкурентная экономика, но без капиталистического рынка, то есть без частной собственности на средства производства и свободы предпринимательства. Эта надежда была основана на вере в то, что возможно составить список «параметрических цен», которые, хотя и не будут определяться на свободном рынке, смогут обеспечить рациональный экономический расчет, так как будут содержать необходимую для этого информацию и тем самым дадут возможность различным экономическим субъектам в обществе действовать согласованно.

При этом Ланге ссылается на Уикстида, который описал субъективный по своей сути характер альтернативных издержек, с которым сталкивается любой, кто пытается принять рациональное экономическое решение. Это означает, что когда человек обдумывает покупку, то цена для него представляет рыночную меновую ценность, однако «условия, на которых предлагаются различные варианты», включают не только рыночную цену, но и все субъективные элементы, которые должны учитываться при выборе, то есть субъективную ценность всех тех вариантов, от которых он отказывается.

Идеи Ланге основаны на модели «совершенной конкуренции», которую даже сегодня большинство базовых пособий представляют в качестве одного из наиболее важных инструментов «постижения» реально существующей экономической системы, полностью элиминирована роль предпринимательства в открытии и использовании возможностей извлечения прибыли в ходе динамического процесса постоянных изменений, который обеспечивает координацию в экономике.

Ланге не видит фундаментального различия между двумя радикально отличающимися друг от друга типами знания: «научным» и «практическим». Он до такой степени смешивает «практическое знание», которым обладают в рассеянной форме действующие в обществе экономические агенты, непрерывно его порождающие, с «научным знанием», которое, по мнению экономистов, позволяет им строить теории социальных процессов, что в результате у него формируется наивная убежденность в том, что в реальной жизни и экономист, и плановый орган способны легко получить это «практическое знание».

Ланге заблуждается, так как на настоящем рынке ключевая роль цен связана не с их параметрической, а с их непараметрической функцией, которая реализуется в том, что предприниматели непрерывно обнаруживают неравенство в ценах и действуют так, чтобы воспользоваться вытекающими из этого возможностями извлечения прибыли, продавая и покупая, и, следовательно, непрерывно модифицируя и создавая цены *ex novo*.

5. Критический анализ классической модели Ланге

Описание модели. Центральный плановый орган заменяет рынок в том, что касается размещения капитальных благ, и социалистическая система формально в состоянии достичь равновесия модели «совершенной конкуренции» с помощью метода «проб и ошибок», который Вальрас разработал для «конкурентной системы».

Критический анализ модели Ланге:

1. Невозможность составить список капитальных благ. Капитальным благом является любая промежуточная стадия в процессе производства, *субъективно* расцениваемая как таковая участником этого процесса.
2. Абсолютно произвольная продолжительность периода времени, на которое устанавливаются параметрические цены.
3. Отсутствие настоящего рынка труда, потребительских благ и услуг.
4. Бессмысленность предложенных Ланге «правил» о том, что нужно выбирать то сочетание факторов, при котором минимизируются средние издержки, и производить такое количество продукции, при котором цены равны предельным издержкам, невозможно использовать на практике. Издержки — это субъективные оценки упущенных возможностей, и, таким образом, они являются типичной предпринимательской информацией, которую непрерывно оценивает и создает каждый действующий субъект во всех тех случаях, когда он может свободно реализовывать свою предпринимательскую функцию и предпринимательскую бдительность. Эта информация субъективна, носит практический, рассеянный и неартикулируемый характер. Предложение Ланге демонстрирует, что на практике неоклассическая теория издержек не смогла усвоить открытия субъективистской революции, кроме как чисто номинально, и на самом деле продолжает опираться на прежний, устаревший «объективизм» Рикардо и Маршалла. Уайзмен пишет: невозможно считать проблему альтернативных издержек исключительно проблемой редкости, которая решается выбором между вариантами затрат производственных факторов и выпуском продукции при данных ценах. Цены и другие переменные следует оценивать: в решениях по поводу альтернативных издержек участвует неопределенность (и, следовательно, человеческие суждения), а не только редкость. Проблема издержек теперь возникает как проблема выбора из возможных планов действий... Поскольку с альтернативными издержками нельзя обращаться так же, как с известными денежными издержками, а следует рассматривать их как оценки упущенного потенциального дохода, то в условиях неопределенности больше не имеет смысла говорить, что эффективное распределение ресурсов происходит тогда, когда цены равны предельным денежным издержкам». В социалистической системе абсолютно объективный контроль невозможен.
5. Теоретическая невозможность использования «метода проб и ошибок»
6. Произвольная фиксация ставки процента
7. Игнорирование поведения, характерного для бюрократических органов. Модель Оскара Ланге неработоспособна потому, что она не считается с реальным будущим поведением различных экономических агентов, в особенности — менеджеров национализированных компаний и бюрократов, руководящих центральным плановым органом. Джеймс Бьюкенен, один из сторонников школы «общественного выбора», в частности пишет: «Где найти экономических евнухов, которые должны действовать в этой системе?». Основы школы «общественного выбора», несомненно, заложил сам Мизес с его концепцией экономической теории как очень широкой области знания, предметом которой является теоретическое изучение всех связанных с человеческой деятельностью процессов. Концепция Мизеса побудила исследователей начать применять экономический анализ к тем человеческим действиям, которые происходят за пределами рынка в узком, традиционном значении этого термина, например, в политической и бюрократической сфере. В связи с этим нам следует упомянуть опубликованную в 1944 г. работу Мизеса о бюрократии, в которой он впервые

доказал, что бюрократия неизбежно возникает во всех социальных сферах, где существует запрет на свободное предпринимательское стремление к прибыли. Система бонусов и стимулов не имеет значения в социалистической системе. Израэль Кирцнер пишет: «Поощрение менеджеров за то, что они достигли или превзошли какой-то установленный уровень производства продукции подразумевает, что уже известно о том, что общество испытывает насущную потребность в увеличении уровня производства этой продукции. ...Но если предполагается, что такие вещи уже известны, то этим подразумевается, что потребность в предпринимательском открытии вообще отсутствует...»

Другие замечания о классической модели Ланге. Ланге пишет, что знания центральных плановых органов об экономической системе будут заведомо превосходить знания любого отдельно взятого частного предпринимателя, и поэтому процесс корректировки с помощью используемого государством метода «проб и ошибок» будет быстрее и эффективнее процесса корректировки в капиталистической системе. Трудно представить себе большее непонимание функционирования капиталистической системы, чем то, которое проявляет Ланге, когда с полной серьезностью формулирует это утверждение. Хотя и не исключено, что центральный плановый орган может иметь более верное общее представление об экономике, чем любой отдельно взятый предприниматель, проблема состоит не в этом, а в том, что центральный плановый орган в принципе не может получить доступ ко всему объему рассеянной информации, которую в капиталистической системе стихийно генерирует, использует и передает целиком вся сеть, состоящая из тысяч и тысяч предпринимателей. Следовательно, знания центрального планового органа нужно сравнивать не со знаниями отдельно взятого предпринимателя, а с тем знанием, которое генерирует и использует вся сеть, состоящая из отдельных предпринимателей, которые свободно занимаются предпринимательством в свободном обществе.

Ланге утверждает, что его модель устраняет экономические циклы. Однако, если Ланге действительно полагает, что контрольный орган обладает достаточным объемом информации, чтобы принимать успешные антикризисные меры, то почему он хочет доверить менеджерам принимать решения децентрализованно в очень важных социальных сферах (таких как потребительские блага, рынок труда, приспособление к параметрическим ценам и др.)? Кроме того, у Ланге нет объяснения экономической депрессии, которую Мизес и Хайек рассматривают просто как этап, на котором происходит корректировка структуры производства, искаженной государственным интервенционизмом (налоговым, монетарным и любого другого типа). С этой точки зрения, депрессия — просто неизбежная реакция рынка на любое принуждение в сфере размещения ресурсов и производственных факторов, чьи результаты не совпадают с желаниями потребителей. Она возможна исключительно в контролируемой экономике, где вмешательство государства (финансовое, фискальное или иное) приводит к неэффективному размещению ресурсов в крупном масштабе.

6. Третий и четвертый периоды научной деятельности Ланге

Оскар Ланге был глубоко потрясен статьей 1940 года, в которой Хайек подробно, пункт за пунктом, разобрал и раскритиковал компоненты его модели и ее возможные последствия. Однако Ланге отказывается признавать, что проблема была исключительно динамической с самого начала, с того момента, когда Мизес впервые сформулировал ее в 1920 г. В 1940-е годы Оскар Ланге «перешел от защиты целостного социализма к проповеди смешанной государственной (государственной и частной) экономики, функционирующей посредством развернутого рыночного механизма».

Начиная со Второй мировой войны и вступления Ланге в польскую коммунистическую партию, а также по мере увеличения политической активности, в своей концепции социализма Ланге начал постепенно отказываться от рынка, и эти постепенные изменения во взглядах привели его к теоретическому и практическому оправданию сталинистской экономической модели, которая применялась в СССР и которую эта страна решила навязать и своим новообретенным «сателлитам».

Глава 7. Заключительные замечания

В заключительной главе дается анализ предложений трех теоретиков — Дурбина, Диккинсона и Лернера, которые пытались сформулировать «конкурентное» решение проблемы экономического расчета при социализме в русле «классической модели» Ланге.

1. Другие теоретики «рыночного социализма»

Ивен Фрэнк Моттрэм Дурбин. В принципе на Дурбина можно было бы возлагать определенные надежды, поскольку он находился в контакте с теоретическими идеями австрийской школы и был в состоянии отличить австрийскую парадигму от неоклассической парадигмы Вальраса. Однако, несмотря на здоровое «австрийское» влияние, Дурбин не смог понять суть поставленной Мизесом и Хайеком проблемы социализма, и, как и решение Ланге, его «решение» сформулировано в сугубо статических терминах. Дурбин выражает «почти полную уверенность» в том, что проблема экономического расчета в социалистической экономике могла бы быть решена, если бы центральный плановый совет потребовал от производственных единиц соблюдения двух правил: во-первых, вычислять предельную производительность всех движимых факторов производства; во-вторых, размещать факторы производства таким образом, чтобы максимизировать их предельную производительность. Предложение Дурбина содержит ту же самую ошибку, которую до него совершал Ланге и другие: оно основано на презумпции равновесия, при котором не происходит никаких изменений а вся информация, необходимая для расчета предельной производительности факторов производства, дана и легко достижима.

На самом деле, на конкурентном рынке нет предложения и спроса, так же как нет и любых других «кривых» и «функций». Ведь информации, необходимой для их вычисления или описания, не существует, и, следовательно, она в принципе недоступна: не только потому что информация, нужная для расчета «кривой спроса», носит рассеянный характер, но и потому, что она даже не формируется в умах отдельных участников рынка. Иными словами, кривые спроса и предложения невозможно обнаружить на рынке по той простой причине, что их там нет.

Поэтому следует отказаться от «функциональной теории» ценообразования, которая со времен Маршалла утвердилась в учебниках по экономической теории. Карл Менгер предостерегал от этой теории еще в своем письме Леону Вальрасу в феврале 1884 г., в котором он сделал вывод о том, что «математический метод неверен». Позже об опасности этой теории предупреждал Бём-Баверк, критиковавший механистическое понимание спроса и предложения как простых «количеств», зависящих от независимой переменной (цены), тогда как в реальной жизни спрос и предложение являются результатом реальных, конкретных человеческих решений и действий. Следовательно, функциональную, сциентистскую теорию цены должна сменить «генетико-каузальная» или, точнее, прагматическая теория цены, в которой цены являются итогом последовательности предпринимательских действий людей.

После Второй мировой войны Дурбин участвовал в создании идеологии лейбористской партии (в основном через так называемое Фабианское общество). Он был сторонником модели, основанной на интервенционизме и кейнсианском макроэкономическом планировании в контексте социальной демократии.

Генри Дуглас Диккинсон в книге «*Экономическая теория социализма*» сохраняет приверженность статике, и поэтому он по-прежнему не в состоянии решить проблему экономического расчета в том виде, как ее сформулировали Мизес и Хайек. Это особенно ясно видно по тому, что Диккинсон пишет о роли, которую неопределенность и предпринимательская функция должны будут играть в социалистической системе. Он считает одним из преимуществ социалистической системы то, что в ней сократится неопределенность, свойственная капитализму, где она возникает в результате взаимодействия многочисленных единиц, самостоятельно принимающих решения. Это предполагаемое «уменьшение» неопределенности будет достигнуто за счет вмешательства центрального планового органа, который, сознательно навязав в приказном порядке определенные явным образом пропорции производства, неизбежно уменьшит характерный для рынка высокий уровень неопределенности.

Между прочим, статической концепции экономической теории, ведущей к неспособности понять характер и значение неопределенности в рыночной экономике, приверженцем которой был Диккинсон, сегодня с тем же результатом придерживаются такие влиятельные авторы, как, например, Кеннет Эрроу, который считает неопределенность очевидным «провалом» рынка и рыночной системы цен.

В социалистической системе неопределенность можно устранить только с помощью «метода страуса»; это значит, что люди должны, подобно страусу, засунуть головы в песок, отказываясь

признавать существование неопределенности и то, что она представляет собой не «проблему», а свойство социальной жизни, имманентно присущее человеческой природе, свойство, с которым человек непрерывно сталкивается в процессе предпринимательства.

Дон Лавой резюмирует доводы австрийской школы против социалистической системы бонусов и стимулов следующим образом: «Это подразумевает, что планирующий орган, рассматривающий отчеты компаний о прибылях и убытках, должен быть в состоянии отличать настоящую прибыль от монопольной прибыли в обычном значении этого термина. Однако, здесь мы имеем дело с уклонением от рассматриваемого вопроса, потому что у планирующего органа не будет знания, которое генерируют децентрализованные инициативы, а также осознания того, что это знание выражается исключительно в отчетах о прибылях и убытках. Не существует такой информации более высокого порядка, с которой можно было бы сравнивать данные о прибыли, так, чтобы в соответствии с полученным результатом изменять вознаграждение менеджеров».

Предпринимательский успех можно оценить лишь субъективно, с точки зрения самого предпринимателя. Диккинсон не может понять того, что у термина «стимул» есть два резко различающихся смысла. Можно представить себе четкий, узкий и не имеющий практического значения смысл термина «стимул», относящийся к устройству механизма, мотивирующего экономических агентов правильно (в соответствии с установленным заранее «правилом») пользоваться уже находящейся в их распоряжении объективной информацией. В этой книге мы пользовались термином «стимул» не в этом значении, а в гораздо более широком и одновременно — более точном и более существенном с точки зрения экономической теории: по нашему мнению, к стимулам относятся все цели, которые в принципе можно вообразить и создать *ex novo*; стимулы не просто приводят к тому, что люди передают ту объективную информацию, которая у них уже есть, но, что гораздо важнее, они побуждают людей непрерывно создавать и обнаруживать субъективную информацию, которой у них еще нет, но которая необходима для достижения поставленных целей.

Особый интерес представляют взгляды Милтона Фридмена, поскольку он, с одной стороны, использует аналитические инструменты теории равновесия, что типично для экономиста современной неоклассической школы, а с другой, является страстным защитником капитализма по сравнению с социалистической системой. Однако, Фридмену не удается ни понять суть теоретической проблемы, поставленной Мизесом, ни объяснить теоретическое содержание тезиса о невозможности экономического расчета при социализме. Ему не удалось понять, что проблема не в этом, что цены не «создают» и не «передают «информацию», что на это способен только человеческий разум в контексте предпринимательского действия. Он не понял, что чудо рынка состоит не в том, что система цен «эффективно» передает информацию, а в том, что рынок — это процесс, под давлением врожденной предпринимательской энергии каждого человека непрерывно создающий новую информацию в свете новых целей, которые каждый из людей ставит перед собой, а также порождающий в ходе взаимодействия людей между собой процесс координации, с помощью которого все мы бессознательно обучаемся приспосабливать наше поведение к целям, желаниям и обстоятельствам других людей. Фридмена часто отождествляют с Мизесом и Хайеком, причисляя к той же школе, и это привело к большому смятению в умах экономистов. Наша критика позиции Фридмена распространяется на всех чикагских теоретиков, одержимых эмпирией и помешанных на фантазмагорическом объективистском равновесии (восходящем к Маршаллу и Рикардо); в силу этого они не в состоянии представить, что возможны и другие проблемы с информацией, кроме высоких «транзакционных издержек» на ее приобретение. Их ошибка связана с неявным предположением, будто человек априори способен оценить ожидаемые выгоды и издержки процесса поиска информации. Иными словами, речь идет об абсурдной идее, что человеку априори известна будущая ценность информации, которой он еще не обладает; это абсурдное представление не дает чикагцам осознать роль в экономике предпринимательства и вытекающих из него последствий. Ошибки чикагской школы восходят к Фрэнку Найту, который писал: «Социализм — это политическая проблема, которая должна обсуждаться в терминах социальной и политической психологии, а экономическая теория мало что может сказать по его поводу».

2. «Рыночный социализм»: квадратура круга

Можно сделать вывод, что и в теории, и на практике есть только два варианта: либо люди обладают полной свободой предпринимательства, либо существует систематическое и повсеместное принуждение, направленное против предпринимательства. Однако социалисты упорно не желают

отказываться от социализма, но, поскольку возражения Мизеса и Хайека произвели на них сильное впечатление, они стремятся включить рынок в свои модели, в тщетной надежде соединить «лучшее из двух миров» и придать своему идеалу большую привлекательность и популярность.

«Рыночные социалисты» не понимают, что нельзя безнаказанно применять систематическое насилие против самой сути того, что делает нас людьми: против нашей способности свободно действовать в любых конкретных обстоятельствах, в любое время и в любом месте. «Рыночный социализм» в качестве решения проблемы экономического расчета при социализме потерпел поражение и в теории, и на практике (все неоднократные попытки такого рода реформ в странах Восточной Европы провалились).

3. Морис Дobb и полное уничтожение индивидуальной свободы

Мизес считает деструкционизм сутью социализма: «На деле социализм ни в малейшей степени не является тем, на что претендует. Это не открыватель нового и лучшего мира, но грабитель и разрушитель того, что накопили тысячелетия цивилизации. Он не строит, а разрушает. По результатам его действий он должен быть назван деструкционизмом. Разрушение — его сущность».

4. В каком смысле социализм невозможен?

Мизес считал, что теоретическое доказательство невозможности осуществления расчетов в социалистической системе подействует только на тех, кто ошибочно считает, что эта система в состоянии достичь более высокого уровня успешности, экономического роста и развития цивилизации, чем капиталистическая система, но не повлияет на тех, кто защищает социализм из зависти или по эмоциональным, «этическим» и «аскетическим» причинам. Иными словами, в связи с тем, что социалистическая система одновременно делает невозможным рациональный экономический расчет и согласование поведения экономических субъектов, эта система в принципе не может превзойти в сфере координации и эффективности капиталистическую систему.

Наконец, Хайек признает, что невозможность достижения экономической эффективности и общее замедление экономического развития, неизбежно вытекающее из невозможности осуществления расчета при социализме, не обязательно изменит желания тех, кто продолжает поддерживать социализм по другим причинам (религиозным, эмоциональным, этическим или политическим), несмотря на то, что в данном конкретном случае экономическая наука предоставляет полезную информацию и оказывает важную услугу даже этой группе людей, так как она демонстрирует им истинные издержки их политического, этического или идеологического выбора и может помочь им либо пересмотреть свои взгляды, либо укрепиться в них, что тоже вполне возможно.

Хофф подчеркивал, что любое движение от предпринимательства в направлении социализма приводит к тому, что на всех социальных уровнях повышается — явно и неявно — роль технического, инженерного подхода. Как только мы устраняем факторы предпринимательской прибыли и издержек, почти неизбежно «техническим» факторам начинает придаваться непропорционально большое значение.

В сфере экономической теории невозможно непосредственно наблюдать эмпирические события и невозможно эмпирически проверять какую бы то ни было теорию, — в общем, невозможно делать конкретные предсказания относительно времени и места будущих событий. Это объясняется тем, что объект исследования экономической теории включает представления и знания, которые люди создают в связи с тем, что они делают; эта информация постоянно меняется, обладает высоким уровнем сложности и ее не в состоянии измерять, наблюдать или собирать ни один исследователь (или централизованное бюро планирования). Если бы можно было измерять социальные события и эмпирически подтверждать экономические теории, то социализм был бы возможен; и наоборот, социализм невозможен именно по тем причинам, по которым не работает позитивистская методология. Итак, с учетом их «духовной» природы, «события» социальной реальности возможно интерпретировать только исторически, что всегда требует предварительного наличия теории.

Литература на русском языке

Баллод К. Взгляд в государство будущего. 1906

Бэм-Баверк Е. Капитал и прибыль. История и критика теорий процента на капитал. СПб.: 1909

Бём-Баверк О. Критика теории Маркса. Челябинск: Социум, 2002

Бухарин Н., Преображенский Е. Алфавит коммунизма. 1919
Вебер М. Хозяйство и общество. М.: Изд-во ГУ ВШЭ, 2008
Корнаи Я. Дефицит. М.: Экономика, 1990
Коуз Р. [Фирма, рынок и право](#). М.: Новое издательство, 2007
Кирцнер И. Конкуренция и предпринимательство. Челябинск: Социум, 2008
Корнаи Я. Дефицит. М.: Экономика, 1990
Леони Б. [Свобода и закон](#). М.: ИРИСЭН, 2008
Менгер К. Исследования о методах социальных наук и политической экономии в особенности // Менгер К. Избранные работы. М.: Территория будущего, 2005
Мизес Л. фон. Бюрократия. Челябинск: Социум, 2006
Мизес Л. фон. Либерализм. Челябинск: Социум, 2006
Мизес Л. фон. Социализм: экономический и социологический анализ. М.: Catallaxy, 1994
Мизес Л. фон. Теория денег и средств обращения. Челябинск: Социум, 2008
Мизес Л. фон. Теория и история. Челябинск: Социум, 2007
Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории. Челябинск: Социум, 2005
Милль Дж. С. Основы политической экономии. М.: Эксмо, 2007
Монтескье Ш. Л. О духе законов. М.: Мысль, 1999
Найшуль В.А. Высшая и последняя стадия социализма // Погружение в трясину. М.: Прогресс, 1991
Нозик Р. Анархия, государство и утопия. М.: ИРИСЭН, 2008
Полани М. Личностное знание. М.: Прогресс, 1985
Ротбард М. Власть и рынок: государство и экономика. Челябинск: Социум, 2008
Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М.: Эксмо, 2007
Уэрта де Сото Х. Австрийская школа: рынок и предпринимательское творчество. Челябинск: Социум, 2007
Фергюсон А. Опыт истории гражданского общества. М.: РОССПЭН, 2000
Хайек Ф.А. [Дорога к рабству](#). М.: Новое издательство, 2006
Хайек Ф.А. Индивидуализм и экономический порядок. М.: Изограф; Начала-фонд. 2000
Хайек Ф.А. Конкуренция как процедура открытия // Мировая экономика и международные отношения. 1989. №12
Хайек Ф.А. Конституция свободы. М.: Новое издательство, 2008
Хайек Ф.А. Контрреволюция науки. Этюды о злоупотреблении разумом. М.: ОГИ, 2003
Хайек Ф.А. [Пагубная самонадеянность](#). Ошибки социализма. М.: Новости, 1992
Хайек Ф.А. Право, законодательство и свобода.
Хайек Ф. Экономический расчет при социализме II: состояние дискуссии (1935) // Хайек Ф. Индивидуализм и экономический порядок
Чаянов А. В. К вопросу теории некапиталистических систем хозяйства // Чаянов А. В. Крестьянское хозяйство: Избранные труды. М.: Экономика, 1989
Шумпетер Й. Капитализм, социализм и демократия. М.: Экономика, 1995
Юм Д. Трактат о человеческой природе // Юм Д. Соч. в 2-х т. Т. 1